Лара Вейн

СОННИС

18+

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Лара Вейн

Соннис

«Автор»
2026

Вейн Л.

Соннис / Л. Вейн — «Автор», 2026

Вы доверили нейросети свои сны. А что, если однажды вам начнут сниться чужие? Пользователи приложения «Сонникс» видят одну и ту же пятиэтажку, человека без лица и слышат голос ребёнка. Ника пытается разобраться в происходящем. Но некоторые сны, возможно, лучше было бы никогда не вспоминать.

© Вейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия 5
Пролог. Ночь без лица 6
Часть первая. Три ночи 9
Глава 2. Пятиэтажка 14
Глава 3. Мягкие сны 18
Глава 4. Тестовый пользователь номер один 22
Глава 5. Четвёртая ночь 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Лара Вейн
Соннис

Вместо предисловия

Роман является художественным произведением. Компания «Соннис», застройщик «Ладожский берег», дом на Пионерской улице в старом Кудрове и все персонажи книги вымышлены; любые совпадения с реальными людьми и организациями случайны.

Научные опоры романа реальны. Метод целевой реактивации памяти — когда тихий звук, проигранный спящему, оживляет связанные с ним воспоминания — изучается в лабораториях сна уже больше двадцати лет. Опыты по «инкубации» сновидений, то есть по заказу человеку определённого сна, ставились в Массачусетском технологическом институте. В 2021 году одна американская пивоварня провела рекламную кампанию, обещавшую зрителям сны о своём напитке, и вскоре несколько десятков учёных подписали открытое письмо с предупреждением, что реклама во сне перестала быть фантастикой.

Всё остальное — вымысел. Пока.

Пролог. Ночь без лица

Посёлок Кудрово. Ночь на 12 января 2003 года

Девочке снилось лето.

Речка, узкая и тёплая, с жёлтыми кувшинками у берега. Мама на мостках, в белом платке. Брат в панамке, сползающей на нос. Пахло скошенной травой и мокрыми досками.

Потом запахло иначе.

Сначала — как у бабы Зины, когда у неё подгорает каша. Потом — как на свалке за гаражами, где мальчишки жгут покрышки. Потом — никак. Запах стал таким густым, что перестал быть запахом и стал чем-то, что лезет в горло и не даёт вдохнуть.

Девочка открыла глаза.

В комнате было темно. Не так, как бывает ночью, — серо-темно, с жёлтым квадратом фонаря на потолке. А по-другому. Темнота стояла в комнате, как вода в ванне. Плотная. Шевелящаяся.

Фонаря на потолке не было.

Девочка села. Кашлянула. Ещё раз. Глаза щипало, как от лука.

— Мама?

Мамы не было. Мама на смене. Мама сказала: «Спи, Никуша, утром приду, а если что — стучи бабе Зине». Мама всегда так говорила. Мама уходила в восемь вечера и приходила в восемь утра, пахнущая больницей и холодом, и падала на диван прямо в пальто.

— Тёма?

Брат спал в маленькой комнате. Ему было четыре. Он всегда спал, раскинув руки, как будто летел.

Девочка спустила ноги с кровати. Пол был тёплым. Почему-то очень тёплым. Как песок на пляже в полдень.

Потом в дверь постучали.

Не в дверь комнаты. Во входную. Громко. Часто. Кулаком.

И голос. Старый, хриплый, знакомый.

— Никуша! Ника! Открой, деточка! Это я!

Баба Зина.

Девочка побежала. По коридору. В темноте. Держась за стену. Стена тоже была тёплой.

Замок — высоко. Она встала на цыпочки. Повернула. Как мама учила: два раза влево.

Дверь открылась.

И в квартиру вошёл дым.

Баба Зина стояла на площадке. В ночной рубашке. В валенках. С мокрым полотенцем в руке. Седые волосы — распущенные, длинные, до пояса; девочка никогда не видела её без платка.

За её спиной, на лестнице, — темнота. Не чёрная. Оранжевая. Внизу, далеко, где-то на первом этаже, что-то гудело и трещало.

— Где Тёмочка? — спросила баба Зина.

Девочка показала.

Баба Зина прошла мимо неё в квартиру. Быстро. Валенки шаркали. Через секунду вышла — с Тёмой на руках. Тёма не проснулся. Только чмокнул губами и обхватил её за шею.

Баба Зина присела перед девочкой. Сунула ей в руки мокрое полотенце. Холодное. Тяжёлое.

— Вот, — сказала она. — Прижми к лицу. Вот так. Дыши через него. Слышишь?

Девочка кивнула.

— Я Тёмочку снесу и вернусь за тобой. Сразу. Ты стой здесь. У двери. Никуда не уходи. Поняла? Стой у двери, и я приду.

Девочка кивнула.

— Скажи — поняла.

— Поняла.

Баба Зина поцеловала её в лоб. Сухими губами. Быстро.

И пошла вниз. В оранжевую темноту. С Тёмой на руках. Валенки шаркали по ступенькам. Шарк. Шарк. Шарк.

Потом их не стало слышно.

Девочка стояла у двери.

С полотенцем у лица.

Считала ступеньки, по которым ушла баба Зина. Их не было видно. Она считала по памяти. На их площадке — девять ступенек вниз до окна. Потом поворот. Ещё девять.

Дым шёл снизу. Густой. Серый. С жёлтыми прожилками. Он поднимался по лестнице медленно, как будто тоже считал ступеньки.

На площадке напротив — дверь бабы Зины. Тринадцатая квартира. Обитая коричневым дерматином. С медными гвоздиками. С цифрой «13» — белой, эмалевой, чуть косо привинченной. Дверь была открыта настежь. Внутри — темно.

Внизу что-то грохнуло.

Девочка вздрогнула.

А потом снизу, из оранжевой темноты, по ступенькам, медленно, тяжело, — пошли шаги.

Не шарканье валенок.

Другие. Тяжёлые. Гулкие. Как будто кто-то шёл в железных сапогах.

Он поднялся из дыма.

Большой. Очень большой. Чёрный. Блестящий. Как жук.

У него не было лица.

Там, где у людей лицо, было что-то гладкое, круглое, тёмное, со стеклянным пятном, в котором отражался оранжевый свет. И из-под этого пятна шёл звук. Хриплый. Свистящий. Как дышит больная собака.

Он остановился на площадке. Повернул голову. Медленно. Посмотрел своим стеклянным пятном на девочку.

Потом — на открытую дверь тринадцатой квартиры.

И шагнул туда.

Девочка не стала ждать у двери.

Она знала, что надо ждать. Баба Зина сказала. Она обещала. Она сказала «поняла».

Но человек без лица был на площадке. А баба Зина — нет.

Девочка развернулась и побежала обратно в квартиру. В свою комнату. Бросила полотенце. Легла на пол. Заползла под кровать. В самый угол. К стене. Где лежали старые сандалии и коробка с цветными карандашами.

Закрыла глаза. Зажала уши ладонями.

И запела. Шёпотом. Как баба Зина пела ей, когда мама была на смене.

«Баю-баюшки-баю…»

* * *

Её нашли через четыре минуты.

Она не знала, что через четыре. Она не считала. Она пела. Одну строчку, снова и снова, потому что дальше не помнила.

Кровать отъехала в сторону. С грохотом. Свет ударил в глаза. Белый. Резкий. Из лба человека без лица.

Чёрная рука в огромной перчатке потянулась к ней.

Девочка закричала. Изо всех сил. Без голоса — голоса уже не было, был только хрип.

И укусила руку. Там, где перчатка кончалась и начиналась куртка. Укусила изо всех сил.

Человек без лица не отдёрнул руку.

Он сгрёб её. Целиком. Прижал к себе. К жёсткой, горячей, мокрой куртке. Накрыл своей рукой её голову.

И понёс.

Она не видела лестницы. Не видела дыма. Не видела огня на втором этаже, который уже лизал перила. Она видела только чёрную куртку у самого лица и слышала только свистящее дыхание у себя над головой.

И ещё — на лестничной площадке четвёртого этажа, на повороте, — что-то белое. На ступеньках. Длинное. Неподвижное.

Седые волосы. До пояса.

Человек без лица перешагнул через них.

Не остановился.

Нёс её дальше. Вниз.

* * *

Потом был снег.

Холодный. Чистый. Много. Её положили на снег, и кто-то накрыл её одеялом, и кто-то светил ей в глаза фонариком, и кто-то кричал «дышит, дышит», и где-то плакал Тёма — громко, обиженно, как плачут дети, которых разбудили.

Она лежала на снегу и смотрела вверх.

Пятиэтажный дом. Белый кирпич. Пять рядов окон. Из окон второго и третьего этажа шёл чёрный дым. На пятом этаже — их окно. Тёмное. Рядом — окно бабы Зины. Тоже тёмное.

А из подъезда снова вышел человек без лица.

Он нёс кого-то на руках. Белое. Длинное. Седые волосы свисали до земли.

Девочка смотрела на него.

Он прошёл мимо. Совсем близко. Его стеклянное пятно повернулось к ней. На секунду.

Она не увидела лица.

Она так и не увидела его лица.

* * *

Ей было семь лет и десять месяцев. Она не помнила, как прошла следующая неделя. Она не помнила, как прошли следующие четыре месяца, — врачи потом говорили маме, что девочка за всё это время не сказала ни слова.

В мае она заговорила.

Первое, что она сказала, было: «А мы где живём?»

Мама сказала: «Во Всеволожске, Никуша. Мы всегда жили во Всеволожске».

И девочка поверила.

Она не помнила пятиэтажку. Не помнила лестницу. Не помнила бабу Зину, мокрое полотенце, дверь с медными гвоздиками.

Не помнила человека без лица.

Только иногда, раз в несколько лет, — во сне.

Часть первая. Три ночи
Глава 1. Ключевые слова

Кудрово. Вторник, 9 ноября 2027 года

«Запись № 4 118 302. 05:47. Женщина, 41 год. Голосом: опять этот дом. Третий раз. Пятиэтажка, белый кирпич, подъезд без двери. Я поднимаюсь по лестнице, и мне очень надо наверх, я не знаю зачем. На последнем этаже две двери. Одна моя. Я это знаю, хотя у меня никогда не было такой квартиры. А у второй стоит человек. Спиной. Нет, не спиной. Он ко мне повернулся, а лица нет. Просто нет. Как будто стёрли. Потом я проснулась. Что это значит?»

Приложение «Соннис». Раздел «Мои сны».

В восемь сорок утра Ника Ермолаева сидела перед тремя мониторами и смотрела на слово «лестница».

Оно было повсюду.

Не в одном отчёте, не в десятке. На главном экране, на графике частоты ключевых слов за ночь, оно стояло на четвёртом месте. Выше были только «дом», «дверь» и «лицо». «Пятиэтажка» шла пятой. «Тринадцать» — шестой.

Ника отпила кофе. Остывший. Она налила его сорок минут назад и забыла.

Потом открыла вчерашний график.

Те же слова. Чуть ниже. «Лестница» — на девятом месте.

Позавчерашний.

«Лестница» — на тридцать первом.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно.

Окно выходило на Европейский проспект. Седьмой этаж. Внизу — машины, стоящие в утренней пробке к Петербургу, мокрый асфальт, редкие пешеходы под зонтами. Напротив — двадцатипятиэтажные башни жилого комплекса, серые, одинаковые, с одинаковыми застеклёнными лоджиями. За ними — ещё башни. И ещё. До самого горизонта, где в ноябрьском тумане угадывалась кромка леса и стрелы башенных кранов.

Кудрово. Город, которого пятнадцать лет назад не было. Тогда здесь была деревня — несколько улиц, огороды, совхозные поля, речка Оккервиль в кустах ивняка. Теперь — сто сорок тысяч человек, сорок школ, ни одного старого дома. Ника жила здесь шестой год и ни разу не видела ничего, что было бы построено раньше две тысячи двенадцатого.

Город без снов, как говорил Глеб. Город, где людям нечего вспоминать.

Он придумал это для рекламы. Когда только начинали.

— Ника, ты видела?

Даша Ковальчук стояла у её стола. Двадцать пять лет, рыжая чёлка, свитер с оленями, кружка с котом. Начальница службы поддержки. Единственный человек в компании, который приходил на работу раньше Ники.

— Видела что?

— Почту. — Даша поставила кружку на край стола. — У меня с шести утра двести с лишним писем. Все про одно. «Почему мне снится чужой дом». «Это вирус?» «Вы нас взломали?» «Я третью ночь не высыпаюсь, верните деньги». — Она помолчала. — И одно от женщины из Мурина. Она пишет, что её сыну двенадцать и он проснулся в четыре утра и стоял в прихожей. В куртке. С ключами в руке. Говорил, что ему надо домой. Он был дома, Ник.

Ника посмотрела на график.

— Сколько всего писем про дом?

— Двести шестнадцать. На восемь сорок. — Даша глянула на телефон. — Двести двадцать.

— А отчётов о снах с этими словами?

Даша пожала плечами.

— Это твоё. Я только письма читаю.

Ника запустила запрос.

Отчёты о снах за последние трое суток. Ключевые слова: «пятиэтажка», «лестница», «человек без лица», «тринадцать». Совпадение не меньше трёх слов из четырёх.

Экран подумал. Колёсико покрутилось.

Ночь с шестого на седьмое ноября, с субботы на воскресенье: две тысячи сто сорок отчётов.

Ночь с седьмого на восьмое: шесть тысяч семьсот девять.

Ночь с восьмого на девятое: девять тысяч восемьсот тридцать один.

Ника смотрела на цифры.

В обычную ночь пользователи «Сонниса» наговаривали около ста восьмидесяти тысяч снов. Одна сотая этого — тысяча восемьсот — уже было бы странно. Пять процентов — невозможно.

Почти десять тысяч человек за одну ночь рассказали один и тот же сон.

— Даш, — сказала Ника. Медленно. — Глеб пришёл?

— Глеб в Москве до четверга. Инвесторы.

— Лаптев?

— Лаптев в десять. У него созвон с застройщиком.

— Тимур?

Даша посмотрела в дальний конец зала. Туда, где за стеклянной перегородкой, в маленькой звукоизолированной комнате, обычно сидел звукорежиссёр.

— Тимур, кажется, не уходил, — сказала она. — Там свет горит с вечера.

Ника встала.

Прошла через зал. Сорок шесть столов, сорок шесть мониторов, кадки с монстерами, которые Глеб купил на первые инвестиции и которые никто не поливал. Большинство столов ещё пустовало. Программисты приходили к одиннадцати. Кто-то уже сидел — в наушниках, в капюшонах, с банками энергетика.

На стене, во всю ширину, — логотип. Белый полумесяц на тёмно-синем фоне, вписанный в букву «С». И название — мягкими, круглыми буквами, как будто написанными сонной рукой:

«СОННИС. Ваши сны — ваши».

Глеб придумал и это.

* * *

Тимур Сабиров спал на диване в звукорежиссёрской.

В наушниках. Сидя. Свесив голову на грудь. Перед ним на столе — пульт, два монитора, разбросанные листы с нотами и графиками, пустая коробка из-под пиццы. На экране — какая-то спектрограмма, медленно ползущая справа налево.

Ника постучала по стеклу.

Тимур не проснулся.

Она открыла дверь. Внутри было тихо — по-настоящему тихо, той ватной тишиной, которая бывает только в комнатах с толстыми стенами и войлоком на потолке. Пахло остывшим сыром и кофе.

— Тимур.

Он вздрогнул. Открыл глаза. Снял наушники.

Посмотрел на неё. Сначала не узнавая. Потом — узнавая.

— Ника. — Голос хриплый. — Который час?

— Без десяти девять. Ты ночевал здесь?

Он потёр лицо ладонями. Тридцать четыре года, тёмная щетина, тёмные глаза, вечно взлохмаченные волосы. Татарин из Казани, выпускник консерватории по классу композиции, который пять лет назад пришёл к Глебу «на месяц, посмотреть» и остался. Он писал для «Сонниса» все звуки: шум дождя, шорох волн, потрескивание камина, белый шум, розовый шум, колыбельные без слов. Полтора миллиона человек каждую ночь засыпали под его музыку и ни один из них не знал его имени.

— Ночевал, — сказал он. — Не специально. Слушал записи. Уснул.

— Какие записи?

Он помолчал.

— А ты зачем пришла?

Ника села на край стола. Развернула к нему свой планшет. График. Три столбика. Две тысячи. Шесть тысяч семьсот. Девять тысяч восемьсот.

— Один и тот же сон, — сказала она. — Три ночи подряд. Почти десять тысяч человек сегодня. Пятиэтажка, лестница, человек без лица, квартира номер тринадцать. Даше пишут с шести утра. У одной женщины сын пытался уйти из дома во сне.

Тимур смотрел на график.

Ника смотрела на Тимура.

И видела, как у него меняется лицо. Не сразу. Медленно. Как будто он тоже что-то считал в уме — и досчитал.

— С шестого, — сказал он. Не спрашивая.

— С ночи с шестого на седьмое.

Тимур закрыл глаза.

— Чёрт, — сказал он тихо.

— Тимур. Что было шестого?

Он не ответил.

Открыл глаза. Посмотрел на спектрограмму на своём мониторе. Медленно ползущую справа налево. Серые и жёлтые полосы. Тихие холмики звука.

— Можно я сначала тебя спрошу? — сказал он.

— Спрашивай.

— Тебе это ничего не напоминает?

Ника нахмурилась.

— Что — «это»?

— Пятиэтажка, — сказал Тимур. — Белый кирпич. Подъезд без двери. Лестница с поворотом у окна. Девять ступенек, площадка, ещё девять. На последнем этаже — две двери друг напротив друга. Одна обита коричневым дерматином. С медными гвоздиками. С номером «13».

Ника смотрела на него.

— Откуда ты знаешь про гвоздики? — спросила она. — Этого не было в ключевых словах.

Тимур молчал.

— Ника, — сказала Даша. Она стояла в дверях звукорежиссёрской. С телефоном в руке. Лицо странное. — Извини. Тут ещё одно.

— Что?

— Мне сейчас позвонили. Не написали — позвонили. На горячую линию. Женщина. Пожилая. Она плакала. — Даша помолчала. — Она сказала, что ей снится дом, в котором она жила тридцать лет назад. Пятиэтажка в старом Кудрове. На Пионерской. Которую снесли. Она сказала — это её подъезд. Её лестница. Она там каждую ступеньку знает. — Даша посмотрела на Нику. — А потом она спросила: «Откуда ваше приложение знает, как выглядел мой подъезд?»

Ника не ответила.

Пятиэтажка в старом Кудрове. На Пионерской. Которую снесли.

Что-то шевельнулось у неё в груди. Глубоко. Не мысль. Не воспоминание. Что-то вроде запаха, который чувствуешь на улице и не можешь вспомнить, где слышал его раньше.

Запах гари.

Нет. Это из коробки из-под пиццы. Подгорелая корочка.

— Ника, — сказал Тимур. — Тебе плохо?

— Нет, — сказала она. — Всё нормально.

Она встала.

— Даша. Попроси её оставить контакты. Скажи, что мы перезвоним. Скажи — разбираемся. — Пауза. — Тимур. Ты мне сейчас объяснишь, что было шестого ноября. Всё. С самого начала.

Тимур посмотрел на дверь. На Дашу. Потом — снова на Нику.

— Здесь — нет, — сказал он. — Не в офисе. — Пауза. — В обед. В «Шоколаднице» на углу. Я всё расскажу.

— Почему не здесь?

Тимур помолчал.

— Потому что в десять придёт Лаптев, — сказал он. — И если он узнает, что я тебе рассказал, меня уволят до одиннадцати.

Ника вернулась к своему столу.

Села. Посмотрела на график.

Девять тысяч восемьсот тридцать один.

Она открыла первый отчёт из сегодняшних. Наугад. Женщина, Всеволожск, тридцать восемь лет. Расшифровка голоса, записанная в шесть двенадцать утра.

«…и я опять поднимаюсь. И мне не страшно сначала, мне даже хорошо, я как будто домой иду. Там пахнет так… не знаю. Как у бабушки. Пирогами и мокрыми валенками. А на пятом этаже он стоит. У тринадцатой. Спиной ко мне. Нет, лицом. Только лица нет. И я знаю, что мне надо в свою дверь, напротив, в четырнадцатую, но я не могу пошевелиться. И тут кто-то поёт. Тихо так. Баю-баю. Старушечьим голосом. Откуда-то снизу. И я просыпаюсь».

Ника закрыла отчёт.

Открыла другой.

Мужчина. Кудрово. Пятьдесят один. «…пятый этаж. Двери. Тринадцать и четырнадцать. Он стоит у тринадцатой. Без лица. Я хочу убежать, а ноги ватные. И кто-то поёт колыбельную. Баю-баюшки. Я последний раз её слышал, когда мне было пять лет. Мать пела».

Другой.

Девочка. Пятнадцать лет. Кудрово. «…как будто кто-то меня зовёт. Ника. Ника. Это не моё имя, а я оборачиваюсь».

Ника перестала дышать.

Перечитала.

«Ника. Ника. Это не моё имя, а я оборачиваюсь».

Она запустила новый запрос. Ключевое слово: «Ника».

Девятьсот двенадцать совпадений. За одну ночь.

Позапрошлой ночью — сто четыре.

Первой — одиннадцать.

* * *

В девять пятьдесят восемь двери лифта открылись, и в зал вошёл Арсений Лаптев.

Высокий. Подтянутый. В тёмно-синем костюме без галстука. С кожаной папкой под мышкой. С телефоном у уха. Он шёл через зал быстро, кивая на ходу тем, кто поднимал головы, и говорил в трубку:

— …нет, Виталий, это отличные цифры. Это лучше, чем мы обещали. Я вам больше скажу — это лучше, чем мы сами ожидали. — Пауза. — Да. Да. Сегодня вечером пришлю. Со всей аналитикой. — Пауза. Смех. — Конечно, сон. Мы же «Соннис».

Он прошёл мимо Никиного стола.

Остановился. Обернулся. Посмотрел на её мониторы. На график. На три столбика.

Улыбнулся.

— Видели уже? — сказал он ей. Прикрыв телефон ладонью. — Впечатляет, правда?

И пошёл дальше. К своему кабинету в углу. Со стеклянной стеной и видом на Европейский проспект.

Ника смотрела ему вслед.

«Впечатляет».

На экране перед ней, в окне отчёта, всё ещё висела строчка пятнадцатилетней девочки из Кудрова:

«Ника. Ника. Это не моё имя, а я оборачиваюсь».

Глава 2. Пятиэтажка

Кудрово. Вторник, 9 ноября 2027 года, утро

«Запись № 4 119 877. 06:31. Мужчина, 29 лет. Голосом: ну короче, дом. Я в таких никогда не жил. У меня бабушка в хрущёвке в Колпине жила, но там было по-другому. А тут лестница с окном на площадке, и на подоконнике цветок в банке, алоэ, что ли. И перила крашеные, зелёные, облупленные. Я их трогаю, а они тёплые. Вот это странно. Почему перила тёплые?»

Приложение «Соннис». Раздел «Мои сны».

Женщину звали Галина Фёдоровна Шустова.

Ей было семьдесят четыре года, она жила в Кудрове, в новом доме на Ленинградской улице, на одиннадцатом этаже, вместе с дочерью и внуком. Внук и поставил ей «Соннис» — месяц назад, когда она пожаловалась, что плохо спит. Две недели назад внук оформил ей подписку. Бесплатную, пробную, на «Мягкие сны». Сказал — бабуль, там звуки красивые, будешь спать как младенец.

Всё это она рассказала Нике за первые три минуты разговора. Быстро, сбивчиво, перескакивая. Так говорят пожилые люди, которые давно ни с кем не разговаривали по-настоящему и боятся, что их сейчас перебьют.

Ника не перебивала.

Она сидела в переговорной — маленькой, без окон, с круглым белым столом и двумя креслами-мешками, которые Глеб тоже купил на первые инвестиции. Дверь была закрыта. На столе лежал телефон на громкой связи.

— …и вот третью ночь, — говорила Галина Фёдоровна. — Третью. Я сначала думала — совпадение. Мало ли. Старость. Вспоминается всякое. А на третью ночь я проснулась и полчаса плакала. Дочь прибежала, думала — сердце. А я ей говорю: Лена, я дома была. Понимаешь? Дома.

— В пятиэтажке на Пионерской, — сказала Ника.

— Дом три, — сказала Галина Фёдоровна. — Пионерская, три. Второй подъезд. Квартира семь. Третий этаж. Я там с шестьдесят девятого года жила. Тридцать лет. Мужа там похоронила. Дочку там вырастила. — Пауза. — А в девяносто девятом мы уехали. Дочь квартиру в городе получила, забрала меня. А дом потом снесли. В тринадцатом году. Я ездила смотреть, как сносят. Стояла и плакала, как дура. Соседки тоже стояли.

— Галина Фёдоровна, — сказала Ника. — Расскажите мне про дом. Пожалуйста. Всё, что помните.

Тишина в трубке. Долгая.

— Зачем вам? — спросила старушка. Тихо. Без обиды. Просто — зачем.

Ника подумала.

— Потому что вам снится ваш дом, — сказала она. — А ещё — тысячам людей, которые никогда в нём не были. И я пока не понимаю почему. Но хочу понять.

Снова тишина.

Потом — вздох.

— Тысячам, — повторила Галина Фёдоровна. — Господи.

Дом построили в шестьдесят восьмом. Для совхоза. Единственный каменный дом во всей деревне — всё остальное было деревянное, частное, с огородами и сараями. Пятиэтажный, из белого силикатного кирпича. Три подъезда. Шестьдесят квартир. Без лифта, без мусоропровода, с газовыми колонками в ванных.

Стоял он на краю деревни. На Пионерской улице, которая была не улица, а просто дорога вдоль поля. За домом — поле, за полем — речка Оккервиль, за речкой — лес. Летом дети бегали купаться. Зимой катались с берега на санках.

Подъезды были без дверей. Двери когда-то были, но их сняли ещё в семидесятых — сгнили, а новые совхоз так и не поставил. Поэтому зимой на лестнице было холодно, а летом залетали ласточки.

Лестница — бетонная. Перила — железные, крашенные зелёной краской, которую каждые пять лет подновляли, и она облезала. На площадках между этажами — окна. Широкие подоконники. На подоконниках жильцы ставили цветы. В банках. Алоэ, герань, столетник.

— Алоэ, — сказала Ника.

— Что?

— Ничего. Продолжайте.

На каждом этаже — по четыре квартиры. Двери — деревянные, крашеные, у кого-то обитые дерматином. Номера — у кого какие. Кто-то писал краской. Кто-то привинчивал эмалевые таблички.

— Во втором подъезде на пятом этаже, — сказала Ника, — была квартира тринадцать?

— Была. Конечно. — Галина Фёдоровна помолчала. — Там баба Зина жила. Зинаида Андреевна. Миронова. — Пауза. Голос стал другим. Мягче. — Её все дети знали. Все. Со всего дома. Она с ними сидела, когда родители на работе. Не за деньги. Просто так. Своих детей у неё не было — муж на фронте погиб, она второй раз замуж не пошла. Так она чужих нянчила. Сорок лет. — Пауза. — Мою Лену тоже нянчила. Колыбельные им пела. «Баю-баюшки-баю». У неё голос был… такой. Низкий. Тихий. Дети под него засыпали за пять минут.

Ника сидела очень прямо.

— Галина Фёдоровна. Вам снится, что кто-то поёт?

— Снится, — сказала старушка. — Каждую ночь. В самом конце. Перед тем как проснуться. — Пауза. — Это её голос. Бабы Зины. Я его узнала. Сразу. С первой ночи.

— А что с ней стало?

Тишина.

Длинная. Ника слышала, как старушка дышит в трубку. Тяжело. С присвистом.

— Я уже уехала тогда, — сказала Галина Фёдоровна наконец. — Мне потом соседка рассказывала. По телефону. Там… — Она замолчала. — Знаете что, давайте не по телефону. Мне трудно по телефону. Вы приезжайте. Если вам правда нужно. Я вам фотографии покажу. У меня альбом есть. С домом.

— Приеду, — сказала Ника. — Обязательно.

— А это… — Галина Фёдоровна помедлила. — Это что-то плохое? Что нам всем снится?

Ника не ответила сразу.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Пока не знаю.

— А человек без лица? Он кто?

— Тоже не знаю.

— Я его боюсь, — сказала старушка. Просто. Как говорят дети. — Я ничего в жизни так не боялась, как его. Он стоит у Зининой двери. И я знаю, что это неправильно. Что ему там нельзя стоять. — Пауза. — И ещё. Только вы не смейтесь.

— Не буду.

— Мне кажется, он меня ждёт. Не просто стоит. Ждёт. И когда-нибудь он повернётся, и у него будет лицо. И я его узнаю.

Ника положила трубку.

Посидела.

Потом открыла ноутбук. Набрала в поиске: «Кудрово Пионерская улица дом 3».

Ничего. Карта показывала Пионерскую улицу — но не там. Новую. С двадцатиэтажками. С торговым центром. С детской площадкой в виде пиратского корабля. Старая Пионерская исчезла вместе с деревней.

Она набрала: «старое Кудрово пятиэтажка».

Два форума. Несколько фотографий. Чёрно-белая, восьмидесятых: деревянные дома, колодец, грунтовая дорога. Цветная, нулевых: поле, ржавый трактор, вдалеке — что-то белое. Пятиэтажное.

Ника увеличила снимок.

Белый кирпич. Пять рядов окон. Три подъезда — тёмных, без дверей.

Она смотрела на него долго. Очень долго.

У неё вдруг закружилась голова. Слегка. Как бывает, когда резко встаёшь после долгого сидения.

Она закрыла ноутбук.

Последнюю фотографию она нашла на сайте застройщика.

ГК «Ладожский берег». Раздел «История места». Красивые слова, мягкий шрифт, акварельные иллюстрации. «Кудрово — земля с историей. Здесь, на берегу реки Оккервиль, ещё в XVIII веке стояла деревня. Здесь жили и трудились поколения…» Под текстом — архивная фотография. Та же пятиэтажка. Сбоку. С подписью: «Дом на Пионерской, 1968–2013. На его месте мы строим квартал "Дом"».

И ниже — большой баннер. Новый. Свежий. Яркий.

Ночное небо. Звёзды. Месяц. На фоне неба — силуэт пятиэтажного дома. Мягкий, сказочный, светящийся тёплыми окнами. И буквы:

«СОН О СВОЁМ ДОМЕ. Квартал "Ладожский берег. Дом". Старт продаж — ноябрь 2027».

И внизу — совсем мелко:

«Совместный проект с приложением "Соннис"».

Ника сидела и смотрела на баннер.

Силуэт пятиэтажки на фоне звёзд. Тёплые окна.

Белый кирпич.

Три подъезда без дверей.

«Совместный проект с приложением "Соннис"».

Она вспомнила, как Лаптев прошёл мимо её стола. Как прикрыл трубку ладонью. Как улыбнулся.

«Впечатляет, правда?»

* * *

В одиннадцать сорок ей пришло сообщение от Тимура. Одно слово.

«Иду».

Ника взяла куртку.

В лифте она смотрела на своё отражение в зеркальной стене. Тридцать два года. Короткие тёмные волосы. Серые глаза с синяками под ними — третий год, с тех пор как бессонница вернулась. Худое лицо. Острый подбородок. Мама говорила — отцовский.

Отца она почти не помнила. Он ушёл, когда ей было девять. Работал вахтами на Севере, а потом просто перестал возвращаться.

Как и многое другое из детства, он остался где-то в тумане. Ника никогда об этом особенно не думала. Ну не помнит — и не помнит. Многие не помнят. Мама говорила — у тебя было тяжёлое детство, Никуша, ты болела много. Врачи говорили — у некоторых людей первые воспоминания начинаются с восьми-девяти лет, это норма.

Норма.

Лифт звякнул. Двери открылись.

Ника вышла на мокрую улицу. Подняла воротник.

И вдруг, уже на крыльце бизнес-центра, ни с того ни с сего, вспомнила одно слово.

«Никуша».

Так её называла мама.

И ещё кто-то. Давно. Низким тихим голосом.
Кто-то, кого она не помнила.

Глава 3. Мягкие сны

Кудрово. Вторник, 9 ноября 2027 года, обед

«Уважаемый подписчик! Поздравляем: вы в числе первых десяти тысяч, кому открыт режим "Мягкие сны". Каждый вечер — короткий ритуал засыпания. Каждую ночь — бережное звуковое сопровождение, подобранное нашей нейросетью для самых светлых сновидений. Вам ничего не нужно делать. Просто спите. Мы позаботимся об остальном».

Уведомление приложения «Соннис», 6 ноября 2027 года, 21:00.

«Шоколадница» на углу Европейского и Ленинградской была почти пустой.

Два студента у окна с ноутбуками. Женщина с коляской. Официантка, скучающая у кофемашины. Ника выбрала столик в самом дальнем углу, у стены, под картиной с какими-то абстрактными кофейными зёрнами.

Тимур пришёл через пять минут. Без куртки — в свитере, мокром на плечах. Сел напротив. Положил на стол телефон. Экраном вниз.

— Будешь что-нибудь? — спросила Ника.

— Чай. Чёрный. Покрепче.

Она заказала два.

Тимур молчал, пока не принесли чай. Смотрел в окно. На мокрую улицу. На людей под зонтами. На башенный кран вдали, медленно поворачивающийся над стройкой.

Потом обхватил чашку обеими руками. Как будто грелся.

— Ты помнишь письмо учёных? — спросил он. — Двадцать первого года?

Ника помнила.

Тогда, шесть лет назад, об этом писали все. Американская пивоварня перед большим футбольным матчем запустила рекламную кампанию: «Посмотрите наш ролик перед сном — и вам приснится наше пиво». Ролик был странный, медленный, мечтательный. Водопады, горы, бутылки, звуки. Пивоварня заявляла, что привлекла к проекту настоящего исследователя сновидений из большого университета. Обещала, что ролик «запустит сон» о свежести и прохладе.

Через месяц около сорока учёных, которые занимались сном, — серьёзных, из разных стран, — опубликовали открытое письмо. Короткое. Злое. Испуганное. Они писали: это уже не фантастика. Реклама во сне возможна. Методы есть. Они изучены. Ими уже пользуются в лабораториях — для того, чтобы помочь людям запоминать, учиться, справляться с кошмарами. И если их возьмут в руки рекламщики — у человека не останется последнего места, куда не могут залезть чужие.

— Помню, — сказала Ника. — Глеб нам его показывал. На первом общем собрании. Сказал — вот почему мы никогда не будем этого делать.

— Да, — сказал Тимур. — Сказал.

Он отпил чай.

— Мы это сделали, Ника.

Он рассказывал полчаса.

Тихо, ровно, не поднимая глаз от чашки. Как рассказывают на исповеди. Или следователю.

Весной Лаптев пришёл с предложением. Застройщик «Ладожский берег» выводил на рынок новый квартал в старом Кудрове. Большой. Дорогой. На месте бывшей деревни. Рынок стоял — ставки по ипотеке, кризис, никто не покупал. Застройщику нужно было что-то новое. Не просто реклама — что-то, о чём будут говорить.

Лаптев предложил им «Соннис».

Не рекламу в приложении — это было бы скучно. Рекламу во сне.

Глеб сначала отказался. Потом инвесторы надавили. Компания три года жила в минус, деньги кончались, следующий раунд не собирался. Застройщик предлагал сорок миллионов за пилотный запуск и долю в продажах. Лаптев принёс юристов, которые всё объяснили: никакого закона против нет, пользователи сами соглашаются, в условиях подписки будет пункт о «персонализированном звуковом сопровождении», всё честно.

Глеб согласился. С условием: ничего прямого. Никаких логотипов во сне. Никаких «купи квартиру». Только мягко. Только настроение. «Сон о своём доме». Тёплый, светлый, уютный. Чтобы человек проснулся с ощущением, что где-то есть дом, который его ждёт.

— А дальше — моя часть, — сказал Тимур.

Он написал три ноты.

Простые. Нисходящие. Ми, до, ля. Как будто кто-то тихо зовёт: «до-мой». Три ноты на старом расстроенном пианино, с лёгким эхом, как в пустой комнате.

Эти три ноты звучали в конце вечернего ритуала. Девяносто секунд перед сном: подписчик ложится, включает режим, и на экране медленно плывёт видео. Ночь. Звёзды. Тёплые окна. Силуэт дома. Голос, мягкий, женский: «Закройте глаза. Вы идёте домой». И три ноты.

А ночью, когда телефон по дыханию и движениям понимал, что человек вошёл в фазу быстрого сна — ту, в которой снятся сны, — приложение очень тихо, на самом пороге слышимости, проигрывало те же три ноты. Ми, до, ля. И вокруг них — звуковой фон. Шорох. Шаги. Дыхание дома.

— Целевая реактивация памяти, — сказала Ника. Медленно. — Как в лабораториях.

— Как в лабораториях, — кивнул Тимур. — Вечером ты связываешь звук с картинкой. Ночью звук будит картинку. Мозг подхватывает и достраивает. Это работает, Ника. Это давно работает. Вопрос был только — как сделать фон.

— И как?

Тимур поднял на неё глаза.

— Я его не делал, — сказал он.

Фон делала нейросеть.

Не та, что толковала сны пользователям по утрам. Другая. Внутренняя. Её Глеб с программистами строил два года — ещё для научных целей, когда «Соннис» только начинался и они думали, что будут помогать людям избавляться от кошмаров. Нейросеть училась на всём, что было в базе. На миллионах отчётов о снах. На данных с головных повязок, которые носили первые тестовые пользователи, — электрическая активность мозга, ночь за ночью, сотни ночей. На том, какие звуки звучали в комнате, когда человек видел тот или иной сон.

Она умела делать одно: по описанию сна подбирать звук, который этот сон вызовет.

— Лаптев дал ей задание, — сказал Тимур. — «Сон о своём доме». Тёплый. Светлый. Чтобы снилось жильё. И чтобы сон был яркий — яркость она тоже умеет оценивать. И она пошла по базе. Искать самые яркие сны о доме. Самые сильные. Те, после которых у человека электрическая активность мозга зашкаливает. Те, которые снятся снова и снова.

Он помолчал.

— Она нашла. И собрала из них фон.

— Один сон?

— Нет. Сотни. Тысячи. Но один — сильнее всех. С огромным весом. Он лёг в основу. Всё остальное — вокруг него.

— Вчера вечером, — сказал Тимур, — Даша сказала мне про первые письма. Про дом. Про лестницу. Я пошёл в звукорежиссёрскую и выгрузил фон. Тот, который нейросеть сделала. Который каждую ночь играет десяти тысячам человек. Я его раньше целиком не слушал. Только кусками. Проверял громкость, частоты. Он длинный — сорок минут. Он меняется. — Пауза. — Я надел наушники и слушал до утра.

— И?

Тимур долго молчал.

— Шаги, — сказал он. — По бетонной лестнице. Медленные. Шаркающие. Как будто в валенках. — Пауза. — Потом — пауза. Скрип двери. Старой. На пружине. Потом — что-то потрескивает. Далеко. Как дрова в печке. Или… — Он не договорил. — Потом — дыхание. Тяжёлое. Хриплое. Со свистом. Как будто через что-то.

Ника не дышала.

— А в самом конце, — сказал Тимур, — на последних двух минутах — голос. Женский. Старый. Очень тихий. Поёт. «Баю-баюшки-баю». Одну строчку. Снова и снова.

— Я этого не записывал, — сказал Тимур. — Ничего из этого. Ни шагов, ни двери, ни голоса. У нас таких записей нет в библиотеке звуков. Я проверял. — Он смотрел на неё. — Нейросеть это не взяла из библиотеки. Она это сделала. Сама. По описаниям. Она взяла чей-то сон — очень подробный, очень яркий, рассказанный сотни раз — и восстановила из него звук. Так точно, как могла.

— Чей сон? — спросила Ника.

Голос был чужим.

Тимур не ответил.

— Чей сон, Тимур?

— Я не знаю, — сказал он. — Я не вижу этого. У меня нет доступа к базе. Только к звукам. Это может посмотреть Глеб. Или… — Он запнулся. — Или аналитик с полным доступом.

Ника смотрела на него.

— Ты думаешь, я знаю?

Тимур молчал долго.

— Ника, — сказал он наконец. Очень осторожно. — Ты была тестовым пользователем номер один. Ты два года спала с повязкой. Каждую ночь. Каждое утро наговаривала сны. Я помню, Глеб говорил — у Ники самая длинная серия в базе. Шестьсот с лишним ночей. Никто больше столько не выдержал.

— Шестьсот сорок, — сказала Ника.

— Шестьсот сорок, — повторил Тимур. — И Глеб говорил, что твоим данным поставили особый вес. Потому что ты первая. Потому что ты аналитик и рассказывала очень подробно. Потому что повязка у тебя была лабораторная, а не домашняя, как у остальных. — Он помолчал. — Твои сны для нейросети — как учебник. С них она училась понимать, что такое сон.

Ника смотрела в окно.

На мокрую улицу. На людей под зонтами. На кран вдали.

— Тимур, — сказала она. — Я не помню, что мне снилось.

— Совсем?

— Совсем. — Она повернулась к нему. — Я наговаривала сны каждое утро. Два года. Сразу как просыпалась — включала запись, говорила, выключала. Так Глеб просил. Сразу, пока не забыла. И забывала. Через пять минут. Это нормально — сны быстро забываются. Я никогда не переслушивала. Никогда не читала расшифровки. Мне было неинтересно. — Пауза. — Я думала — мне снится обычное. Работа. Мама. Всякая ерунда.

Тимур смотрел на неё.

— А тебе снилась пятиэтажка? — спросил он. Тихо.

Ника открыла рот.

И закрыла.

Она не знала.

Она правда не знала.

— У меня есть доступ, — сказала она. — К своим записям. Они в базе. Под моим номером.

— Посмотришь?

Она молчала.

За окном кран повернулся ещё на несколько градусов. Где-то там, за серыми башнями, у реки Оккервиль, строили квартал «Дом». На месте пятиэтажки, которую снесли четырнадцать лет назад.

— Тимур, — сказала Ника. — Почему ты остался на ночь? Вчера. Ты мог послушать фон и пойти домой. Почему ты до утра сидел в наушниках?

Он долго не отвечал.

Потом взял телефон. Перевернул экраном вверх. Открыл что-то. Протянул ей.

Это было приложение «Соннис». Раздел «Мои сны». Его собственный аккаунт. Тестовый — он, как все сотрудники, тоже был подписан на «Мягкие сны».

Три записи. Три утра подряд.

Ника прочитала последнюю.

«Пятый этаж. Тринадцать. Он стоит. Без лица. Я не могу двинуться. Кто-то поёт снизу. А потом, перед тем как проснуться, — голос. Не старушечий. Детский. Девочка. Где-то в квартире напротив. Совсем тихо. Как будто из-под кровати».

Ника положила телефон на стол.

— Я хотел услышать, где в фоне эта девочка, — сказал Тимур. — Я слушал всю ночь. Каждую секунду. Её там нет, Ника. В звуке её нет. — Пауза. — Она есть только во сне.

Глава 4. Тестовый пользователь номер один

Кудрово. Вторник, 9 ноября 2027 года, вечер

«Пользователь № 000001. Статус: тестовый (лаборатория). Период наблюдения: 14.03.2025 — 12.12.2026. Ночей с повязкой: 640. Отчётов о снах: 611. Средняя длина отчёта: 214 слов. Весовой коэффициент при обучении: 20,0 (решение Г. Р., протокол от 02.04.2025)».

Служебная карточка в базе данных «Сонниса».

Два с половиной года назад «Соннис» помещался в одной комнате.

Коворкинг на первом этаже новостройки на Ленинградской улице. Двенадцать квадратных метров. Окно во двор, на детскую площадку. Два стола, три стула, кофеварка, доска с маркерами. На доске Глеб каждое утро писал одно и то же: «Сон — последняя свобода». И каждый вечер стирал, потому что уборщица жаловалась.

Их было трое. Глеб Ракитин, программист, тридцати четырёх лет, восемь лет проработавший в лаборатории сна при одном петербургском институте и ушедший оттуда, потому что «наука двигается со скоростью ледника». Вадик Пестов, второй программист, который через год уехал в Сербию. И Ника.

Ника пришла третьей. По объявлению. «Ищем аналитика данных в проект о снах. Зарплата смешная. Будущее — нет».

Она пришла не из-за будущего.

Она пришла, потому что не спала.

Бессонница началась у неё в двадцать девять. Без причины. Просто однажды она легла в одиннадцать — и в четыре утра всё ещё лежала с открытыми глазами. И на следующую ночь. И через неделю.

Врачи разводили руками. Анализы были хорошие. Щитовидка в норме. Депрессии не находили. Выписывали таблетки — от таблеток она спала, но просыпалась как после наркоза, с ватной головой и чужим ртом. Она бросала таблетки, и бессонница возвращалась.

Работать она не могла. Тогдашняя работа — аналитик в большом банке, отчёты, совещания, цифры — стала невыносимой: к обеду она засыпала над таблицами. Её не уволили — она ушла сама.

И увидела объявление Глеба.

На собеседовании он спросил её, почему она хочет работать в проекте о снах. Она сказала правду. Что не спит. Что ей интересно, почему.

Глеб посмотрел на неё долго. Внимательно. У него были светлые, почти белые ресницы и очень внимательные серые глаза.

— Хотите быть первой? — спросил он.

— Первой — кем?

— Тестовым пользователем. — Он кивнул на коробку в углу. Картонную. С какой-то наклейкой. — У меня там повязка. Лабораторная. Я её из института забрал — мне её подарили, когда уходил. Она снимает электрическую активность мозга. Шесть каналов. Как в настоящей лаборатории сна. — Пауза. — Вы будете в ней спать. Каждую ночь. Сколько выдержите. А каждое утро — рассказывать, что снилось. Сразу. В диктофон. А я буду смотреть, что у вас в голове происходит, пока вы спите. И, может быть, пойму, почему вы не спите.

— А если не поймёте?

Глеб пожал плечами.

— Тогда у меня будут лучшие данные о сне в этой стране, — сказал он. — А у вас — работа.

Она согласилась.

Повязка была мягкой, серой, с проводами, уходящими в маленькую чёрную коробочку размером с пачку сигарет. Её надо было надевать на лоб, плотно, чтобы датчики касались кожи. Первую неделю Ника не могла в ней уснуть совсем. Вторую — засыпала под утро. На третью — вдруг начала спать.

Не всю ночь. Пять часов. Иногда шесть. Но — спать.

Глеб говорил — это потому, что мозгу стало интересно. Что за ним наблюдают. Мозг любит внимание.

Ника думала, что дело в другом. В том, что каждое утро она просыпалась, включала диктофон и говорила. Две, три, пять минут. Что снилось. Всё, что помнила. И — отпускала. Как будто сон, рассказанный вслух, переставал быть её. Уходил в маленькую коробочку. В базу. К Глебу.

Она никогда не переслушивала. Ни разу.

Шестьсот сорок ночей.

* * *

В декабре двадцать шестого она перестала носить повязку.

«Соннис» к тому времени вырос. Переехал в бизнес-центр на Европейском. Нанял сорок человек. Выпустил приложение — и за год набрал миллион пользователей. Тестовые повязки больше были не нужны: данные шли от миллиона телефонов.

Глеб сказал — спасибо, Ника. Ты сделала для компании больше, чем все инвесторы вместе.

Она сказала — пожалуйста.

И вернулась к бессоннице.

Не сразу. Через месяц. Как будто её мозг, лишившись внимания, обиделся и перестал спать снова.

Она никому об этом не сказала.

* * *

Вечером девятого ноября Ника сидела дома.

Девятнадцатый этаж. Однокомнатная квартира с кухней-нишей и лоджией. Белые стены. Серый диван. Стол с ноутбуком. Книжная полка — полупустая, Ника читала с экрана. Окно во всю стену — на Кудрово, на огни башен, на чёрную ленту КАД вдалеке, по которой ползли красные и белые точки.

На столе — ноутбук. Открытый.

На экране — база данных «Сонниса». Служебный вход. Её логин. Её пароль. Полный доступ — у аналитика полный доступ ко всему, иначе он не может работать.

Поисковая строка.

Номер пользователя: 000001.

Она смотрела на эту строку уже полчаса.

Потом нажала ввод.

Шестьсот одиннадцать записей. Даты. Время. Длина. Расшифровка голоса. Сам голос — маленький треугольник «воспроизвести» рядом с каждой.

Она не стала читать подряд. Она сделала то, что умела. Запустила поиск по ключевым словам.

«Пятиэтажка».

Сорок шесть совпадений.

«Лестница».

Сто двенадцать.

«Тринадцать».

Шестьдесят восемь.

«Без лица».

Восемьдесят семь.

«Баю».

Тридцать одно.

Ника сидела и смотрела на эти числа. Они были её. Её ночи. Её голос. Её мозг в маленькой серой повязке. Два года.

Восемьдесят семь раз человек без лица.

Она ничего не помнила.

Она открыла самую первую.

Двадцать первое марта двадцать пятого года. Семь утра. Две минуты сорок секунд.

Нажала на треугольник.

Её собственный голос. Хриплый со сна. Медленный. Немного удивлённый.

«Мне снился дом. Какой-то старый. Пятиэтажка. Я стою на лестнице. Ну, не я. Я маленькая. Мне лет шесть, может, семь. На мне ночнушка. Ноги босые. Пол тёплый. Почему-то очень тёплый. Наверху две двери. Одна наша, я знаю, что наша. Вторая — напротив. Обитая чем-то коричневым. С гвоздиками. Номер тринадцать. И там кто-то стоит. Большой. Я не вижу лица. Не потому что темно. Его просто нет. И я понимаю, что должна стоять у двери. Мне кто-то сказал стоять у двери. А я не стою. — Пауза. — Всё. Больше не помню».

Ника остановила запись.

Её руки лежали на столе. Неподвижно. Она смотрела на них. Как на чужие.

«Мне кто-то сказал стоять у двери».

Она слушала до двух ночи.

Не все. Двадцать. Тридцать. Выбирая по ключевым словам. Перескакивая через месяцы.

Сон повторялся. Не каждую ночь. Раз в две недели. Раз в месяц. Иногда — три ночи подряд. И каждый раз — чуть-чуть по-другому. Где-то было больше подробностей: алоэ в банке на подоконнике, зелёные перила, медный гвоздик, который отошёл от дерматина. Где-то — меньше. Иногда она во сне спускалась по лестнице, и внизу был снег. Иногда — поднималась, и наверху было жарко. Иногда кто-то пел. Старушечий голос. «Баю-баюшки-баю». Одну строчку.

И всегда — человек без лица. У тринадцатой двери.

И всегда — это чувство. Которое её голос описывал снова и снова, разными словами, иногда — почти плача:

«Я должна была стоять у двери».

«Мне сказали ждать, а я не ждала».

«Это из-за меня».

В записи от двенадцатого сентября двадцать шестого года её голос сказал:

«Сегодня он ко мне повернулся. Человек. Первый раз. Повернулся и посмотрел. И у него было лицо. — Долгая пауза. Шорох. Как будто она села в кровати. — Я не помню какое. Помню, что было. Помню, что я его знаю. Помню, что я закричала. — Пауза. — Глеб, если ты это слушаешь, я не хочу больше этот сон. Можно его как-нибудь убрать?»

Ника остановила запись.

Глеб.

«Глеб, если ты это слушаешь».

Она этого не помнила. Ни этого утра, ни этих слов, ни этой просьбы.

А Глеб — слушал?

Она взяла телефон. Набрала его номер. Половина третьего ночи. Москва.

Длинные гудки. Пять. Шесть.

— Да?

Голос сонный. Глухой.

— Глеб. Это Ника.

Пауза. Шорох. Голос стал яснее.

— Ника? Что случилось? Который час?

— Глеб, ты слушал мои записи? Тестовые. Два года назад.

Тишина.

Долгая.

— Ника, — сказал Глеб. Осторожно. — Что случилось?

— Ответь. Ты их слушал?

— Не все, — сказал он. — Некоторые. Первые месяцы — да. Потом данных стало много, я уже не успевал. Смотрел только графики. — Пауза. — Почему ты спрашиваешь?

— Двенадцатое сентября двадцать шестого года. Я просила тебя убрать сон. Ты слышал?

Снова тишина.

— Ника, — сказал Глеб. — Я не знаю. Может быть. Я не помню. Это было больше года назад. — Пауза. — Что происходит?

Она смотрела в окно. На огни.

— Ты знаешь про «Мягкие сны»? — спросила она. — Про то, что они сейчас снятся людям?

— Лаптев присылал цифры, — сказал Глеб. — Вовлечённость выше ожидаемой. Застройщик доволен. — Пауза. — Ника. Что им снится?

— Мой сон, — сказала Ника.

И отключилась.

Она легла не раздеваясь.

На диван. Поверх пледа. С телефоном в руке. С ноутбуком на полу рядом — открытым, светящимся, с последней записью на экране.

Она не собиралась спать. Она знала, что не уснёт. Она не спала нормально уже год.

Она лежала и смотрела в потолок. Белый. С жёлтым квадратом отражённого света от башни напротив.

Потом квадрат дрогнул.

Расплылся.

Где-то очень далеко, на самом краю слуха, кто-то пошёл по лестнице. Медленно. Шаркая. Как будто в валенках.

Ника закрыла глаза.

Последнее, что она услышала, прежде чем провалиться, — свой собственный голос, двухлетней давности, тихий, из ноутбука на полу. Она не выключила запись. Она играла по кругу.

«Мне кто-то сказал стоять у двери. А я не стою».

Глава 5. Четвёртая ночь

Кудрово. Ночь на с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.